

ЭДРИЕНН ТУЛИ

СЛАДКАЯ
ТОРЁЧЬ
МАТИИ

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т82

Adrienne Tooley

SWEET & BITTER MAGIC

Russian language copyright © 2022 by Eksmo

Original English language edition copyright

© 2021 by Adrienne Tooley

Published by arrangement with Margaret K McElderry Books,
An imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division
All rights reserved. No part of this book may be reproduced or
transmitted in any form or by any means, electronic
or mechanical, including photocopying, recording or by
any information storage and retrieval system, without permission
in writing from the Publisher

Иллюстрация на обложке *Тары Филлипс*

Перевод *Иты Куралесиной*

Тули, Эдриенн.

Т82 Сладкая горечь магии / Эдриенн Тули ; [перевод с английского И. Куралесиной]. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-164804-6

Тэмсин — самая могущественная ведьма своего поколения. За страшный проступок она изгнана Ковеном и проклята. Тэмсин не способна любить: она может чувствовать, лишь забрав любовь у других.

Рэн — исток: она средоточие магии, хотя сама не может ее использовать. Девушка всю жизнь скрывала свой секрет, чтобы Ковен не забрал ее и не разлучил с отцом.

Когда по королевству расползается колдовской мор, отец Рэн становится его жертвой. Чтобы спасти его, девушка заключает сделку с Тэмсин: если ведьма поможет остановить болезнь, Рэн отдаст ей свою любовь к отцу. Но эта сделка изменит обеих больше, чем они могли себе представить...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© И. Куралесина, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164804-6

«Сладкая горечь магии» можно осилить за пару вечеров, но она оставит после себя тонну мыслей и впечатлений. Волшебная и легкая история с приятным послевкусием магии. Наливайте чай в любимую кружку, удобно присаживайтесь и наслаждайтесь.

Полина @polly.reads

Когда красота слова соседствует
с безупречным сюжетом.
Именно так я начала думать,
прочитав первые страницы романа.
Глубокая история о невозможности почувствовать
и о безграничной жажде жизни.
Эта история — бездонное море чувств,
спрятанных за толстой коркой льда,
через которую читателю придётся пробиваться,
чтобы понять чувства обеих героинь.

Ксения @mal_books

Магия с первых страниц будет виться вокруг вас и сжимать не лентой, а прочной и крепкой веревкой. Вы узнаете, как благие намерения могут привести к ужасным последствиям. История не только о любви к человеку, но ещё и любви к обыденным чувствам, семье и магии. Это было слишком волшебным и гармонично. Приготовьтесь отправиться в захватывающее приключение, которое надолго останется в вашем сердце.

Анжела @read.ru

Мы привыкли, что в книгах магия является чем-то светлым и добрым. Такая магия не приносит вред ведьме, за неё не нужно отдавать что-то действительно ценное, например, любовь к близким.

Открыв книгу, вы провалитесь в неё с головой и увидите истинную магию, с горечью и болью, без прикрас. Я не могла оторваться от истории: удивительное мироустройство, потрясающий сюжет и невероятные главные героини не оставят вас равнодушными!

Мария @ms.hedgehog

Невероятно нежная и очаровательная история
о любви во всех её проявлениях в мире,
где за любую магию необходимо платить.
Волшебное фэнтези с сильными и прекрасными
женскими персонажами, которое наполнит ваше
сердце лишь теплыми чувствами.
Несомненно это потрясающий
дебют Эдриенн Тули!

Юлия @libro_preferito

Если вы любите магию и мир фэнтези,
сильных женских персонажей,
если хотите с головой окунуться в приключения,
разобраться с семейными переживаниями,
ощутить тепло внутри, то я очень советую
познакомиться с этой чудесной историей.

Татьяна @tanerona

Вам, если вам это нужно.

Никогда не сомневайтесь, что вы достойны любви.

Тэмсин

Соль казалась Тэмсин пресной. Когда-то она имела смысл, если щедро присыпать ею вареные яйца или копченую рыбу. Теперь соль была на вкус точно такой же, как и все остальное — как отчаяние и шепот далекого пламени. Такой же, как и вся эта постылая, бессмысленная жизнь.

Посетительница выжидательно смотрела на Тэмсин. Та покачала головой:

— Соль твоих слез мне не нужна, — и сунула коричневый мешочек обратно в дрожащую руку женщины.

— Но моя кормилица говорила... Такова была цена ведьмы в Уэллсе. — Глаза женщины будто готовились исторгнуть еще больше соли.

С лицом пустым, как доска, Тэмсин моргнула.

— Так иди к ведьме из Уэллса.

Она знала, что женщина не пойдет. Тэмсин была в двенадцать раз сильнее, чем ведьма из Уэллса, и об этом знали все, включая эту ломаку.

Женщина широко распахнула глаза.

— Но... мой ребенок...

Она протянула вперед неподвижный сверток. Тэмсин, не обратив на него внимания, повернулась к очагу, где яростно ревел огонь, несмотря на жару середины

лета. Язычки пламени плясали весело. Насмешливо. Огонь не помогал прогнать стужу из костей Тэмсин. Она плотнее завернулась в шаль, длинные волосы окутали ее, но ничегошеньки не изменилось. Она замерзала.

Огонь потрескивал. Женщина хныкала. Тэмсин ждала.

— Прошу тебя... — голос женщины сорвался, мольба перешла в кашель, в отчаянный стон. — Прошу, спаси моего сына!

Тэмсин не обернулась. Женщина уже почти была готова, *почти готова* произнести те слова, которые Тэмсин хотела услышать.

— Я сделаю что угодно.

Губы Тэмсин изогнулись. Она обернулась и жестом велела отдать ей сверток из одеял. Женщина помедлила, тревожно бегая глазами по вещам, которыми был завален деревянный стол: дымчатые кристаллы с острыми гранями, пучки шалфея и лаванды, перевязанные белой нитью, пухлые книги в кожаных обложках, с бежевыми листами, исписанными черными чернилами.

Разумеется, ни в чем из этого Тэмсин не нуждалась. Ведьмы сами по себе были сосудами, что собирали природную магию из окружающего мира и направляли ее в нужное русло. Однако за почти пять лет служения горожанам Лэйдо Тэмсин поняла, что большинству легче, когда они могут отыскать в доме ведьмы что-то, на чем можно сосредоточиться. Что-нибудь, кроме нее самой.

Ребенок не шевельнулся, когда мать передала его в руки Тэмсин. Та пальцем отодвинула одеяльце с детского личика болезненного желтовато-серого цвета, особенно заметного на фоне бледной кожи ведьмы. В тельце ребенка бушевал такой жар, что она почти ощущала это тепло. Температура у него была куда выше, чем могло вынести маленькое детское сердечко.

Тэмсин тихонько проворковала ребенку какую-то чепуху. Затем взглянула на его мать, словно о чем-то вспомнив.

Сладкая горечь магии

— Ой. Оплата. — Тэмсин попыталась придать лицу подходящее выражение. Извиняющееся. — Мне только нужно, чтобы ты рассталась с частицей своей любви.

Она оценивающе взглянула на двух детей посетительницы. Женщина, конечно, осмелилась прийти в дом Тэмсин из любви к сыну, но к дочери она была привязана на два года дольше. Такая сила безусловной любви дала бы Тэмсин намного больше, чем чувства к младенцу, которому едва исполнилось три месяца.

— Любовь к дочери будет даже лучше. — Тэмсин указала на маленькую девочку, которая задумчиво рассматривала кристаллы, широко распахнув глаза.

Женщина побледнела, лицо у нее стало почти такое же серое, как у сына.

— Ты ведь... шутишь?

Тэмсин пожала плечами, легонько укачивая дитя.

— Боюсь, такова моя плата. На рынке ведь наверняка шептались об этом?

Она изо всех сил старалась не уступить. По лицу женщины было ясно видно, что такое требование для нее чрезмерно. Прочие ведьмы работали за смех ребенка, за свежий хлеб, за новый оловянный котел. Но у Тэмсин ценой была любовь.

Единственный способ противостоять проклятью, которое было наложено на нее почти пять лет назад.

Тэмсин больше не могла любить, а значит, была обречена никогда не чувствовать радостей жизни. Забирая любовь у других, она получала лишь щепотку того, что потеряла. Если любовь была чистой, она дарила несколько мгновений чувств, если Тэмсин удавалось ее удержать. Так, несмотря на холод своего бесполезного сердца, она ненадолго возвращалась в тепло мира.

Глаза женщины погасли. Голос ее зазвучал тихо, будто она говорила сама с собой:

— Они меня предупреждали, но я не могла поверить, что юная девушка может оказаться такой жестокой. Такой холодной.

— Это твои проблемы.

Тэмсин переложила ребенка на другую руку. Она знала, что горожане судачат о ней, торопливо обмениваясь слушками и руганью, пока ждут у мясника свои завернутые в бумагу покупки. И все-таки Тэмсин знала: женщина заплатит. В конце концов они всегда платили.

— Я лучше поищу фею, — сквозь слезы проговорила женщина. — До реки всего два дня ходу.

Тэмсин фыркнула. С простыми людьми вечно так. Они любили магию, а вот о последствиях не задумывались. Могли выменять корову на горсть волшебных семян. Или предложить голос русалке в обмен на нос поменьше. Искали троллей, что прячутся под мостами на заболоченном Юге, надеясь, что те исполнят их желание. Подобная неосмотрительность имела свою цену: из семян прорастали цветы, что пели не смолкая, из нового носа вечно текло, а тролли, не заботясь о мелочах, истолковывали желания неправильно.

Единственным способом убедиться, что магический запрос соразмерен, законен и верно понят, было обратиться к ведьме. С Темного Года — об этом времени до сих пор говорили шепотом, хотя прошло уже почти тридцать лет, — отношения между ведьмами и простыми людьми контролировались и Ковеном, и королевой, чтобы обеспечить как безопасность простых людей, так и ответственность ведьм.

Тэмсин исключили из академии и изгнали из Ведьминых земель, из мира Внутри, но ответственности это с нее не снимало. Напротив, ее проклятие и одиночество служили еще одним напоминанием о том, что у магии есть последствия. То, что Тэмсин разрешили колдовать для селян, что пожалели и вообще оставили в живых — милосердие.

Не то чтобы оно ощущалось именно так. Может быть, оттого, что волею Ковена Тэмсин не могла ощутить ничего.

Сладкая горечь магии

— Хочешь попытать счастья у феи — пожалуйста, пусть она отрастит твоему малышу жабры. — Тэмсин пожалала плечами и протянула сверток женщине. — Но мы обе понимаем, что он не переживет эту ночь.

Женщина сдалась. Она покачала головой, затем схватила девочку, которая топала к столу с безделушками Тэмсин. Девочка протестующе запищала. Тэмсин заворковала над неподвижным младенцем. Мать крепко сжала плечи дочери, нежно взглянула в ее сморщенное, краснеющее личико и вскинула голову:

— Возьми мою любовь к мужу. — Глаза у нее стали дикие, она будто смотрела куда-то вдаль. — Прощу тебя.

Тэмсин шумно, протяжно вздохнула. Ей вечно пытались подsunуть романтическую любовь вместо безусловной, словно эти два вида могли заменить друг друга. Но сходства между ними было мало. Романтическая любовь была переменчива. Часто она выдыхалась и остывала, выгорая так скоро, что Тэмсин получала едва ли шепотку чувств. Материнской же любви, напротив, могло хватить на несколько месяцев, если расходовать экономно.

Ребенок за ребенка — Тэмсин полагала, что это справедливо. Но женщина так не думала. Пламя в ее глазах своей яростью могло поспорить с огнем ревущего очага.

— Возьми мою любовь, — сказала она, подавшись к ведьме, которая все качала младенца. — Я добровольно отдаю ее тебе. Пожалуйста. — Глаза сверкнули. — Умоляю. Возьми. Ты должна.

Тэмсин машинально попятилась, едва не споткнувшись о пустое ведро, но быстро вернула себе и равновесие, и равнодушный вид.

— Давно ты замужем?

Женщина удивленно приподняла бровь.

— Три зимы.

Тэмсин обдумала услышанное. Долгие отношения часто давали более обильный урожай, но всегда оставалась вероятность, что чувства в паре прокисли

и остыли. Более короткая связь могла дать любовь не слабее, если пара горела страстью. Трехлетнее замужество, двое детей и третий на подходе, если Тэмсин не ошибалась — очевидно, недостатка в попытках не было.

Ощувив, что внимание матери ослабло, малышка вывернулась из ее рук и ухватила пухлой ручонкой кварц, что лежал на краю стола. Глаза у нее расширились от любопытства, когда кристалл очутился у нее в ладошке.

Женщина бросилась вперед и выбила кварц из ее руки, не прикасаясь к нему. Он упал на пол рядом с каменным очагом. Малышка громко завопила и бросилась к кристаллу, но мать оказалась быстрее и подхватила ее на руки. Девочка не сдавалась, колотя мать кулачками.

Тэмсин вдруг ощутила уважение к настойчивости малышки. Она напоминала Марлину. Упорная. Любознательная. Такая, что спорить без толку. От этих воспоминаний кровь заледенела еще сильнее. В бесполезном сердце Тэмсин зияла отчаянная, саднящая дыра.

— Ладно, — бросила она, возненавидев себя в тот же миг, когда слово сорвалось с языка. Оказалось, что последний запас любви — влюбленность в подмастерье кузнеца, выменянную на моток нервующихся ниток, — истрачен не полностью. В сердце еще осталась щепотка сострадания. И благодаря вечному чувству вины ведьма отдала ее вопящей двухлетке.

Что бы там ни почувствовала Тэмсин, это ощущение прошло так же скоро, как и возникло. Тэмсин бесстрастно наблюдала, как женщина рухнула на колени, всхлипывая уже не от горя, а от облегчения.

— Встань, — резко произнесла ведьма.

Женщина подчинилась.

Тэмсин жестом велела ей приблизиться. Глядя, будто испуганная олениха, мать неуверенно сделала несколько шагов, глаза у нее были как у вспугнутого оленя. Тэмсин быстро подошла к ней и поместила ладонь над сердцем женщины. От прикосновения та вскрикнула.

Сладкая горечь магии

— Думай о нем, — велела Тэмсин.

Женщина закрыла глаза. Ведьма пристально взглянула ей в лицо. Ладонь потеплела. Любовь заструилась через руку в кровь. В комнате проступили краски: листья свежесобранных трав стали яркими и блестящими, их сильный запах наполнил утренний воздух и защекотал в носу. Настроение Тэмсин росло по мере того, как она окуналась в тепло, которое разливалось по телу и проникало в самые кости.

Она уже начала тратить.

Не убирая руки, Тэмсин сосредоточилась на любви, что текла сквозь нее, стягивая ее к центру тела. Она бережно направила чувство в грудь, где ровно, бессмысленно билось пустое сердце.

Тэмсин спрятала любовь под ребрами слева, стараясь покрепче запереть ее там — хотя, конечно, любовью нельзя управлять от и до. Это походило на попытку запереть мух в птичьей клетке. Все, что Тэмсин могла сделать — это сохранять рассудок и равновесие, чтобы использовать любовь только тогда, когда сама решит. Никаких больше всплесков сострадания. Не теперь, когда посетителей так мало и приходят они так редко.

Убедившись, что вся любовь надежно спрятана, Тэмсин убрала руку. Комната потемнела, запах развеялся, холод вернулся и привычно обосновался в теле, словно кот в любимом кресле. Женщина побледнела, как мертвец, лицо ее лишилось всякого выражения.

— Так, дальше. — Тэмсин вернулась к ребенку, которого укачивала. Семижды провела пальцем от его лобика до переносицы, вокруг губ и к подбородку. Магия струилась сквозь палец и медленно текла в крошечную жизнь. В домике не слышалось ни звука, кроме шепота ведьмы и треска пламени.

А потом сверток заворчался.

Тэмсин убрала палец, прерывая магический поток. Кожа малыша была уже не серой, а смуглой, как у матери. По щекам разлились два розовых пятнышка. Он

открыл рот и запищал так пронзительно, что голова Тэмсин отозвалась изнутри.

Женщина выпустила дергающуюся дочь, бросилась вперед и едва ли не силой вырвала сына из рук ведьмы. Она прижала вопящего младенца к себе, укачивая, по ее лицу текли слезы.

Мальш больше нравился Тэмсин, пока вел себя тихо, но его мать выглядела довольной. Она торопливо проворботала сквозь слезы слова благодарности, схватила дочь за руку и выскочила из домика.

Ведьма рухнула на деревянный стул с жесткой спинкой и расшнуровала кожаные ботинки. Повращала ступнями, поморщившись, когда в лодыжках захрустело. В голове грохотало, ныл мизинец на ноге.

Тэмсин понимала, что это весьма умеренная цена за ту магию, которой она только что занималась. В ее возрасте большинство ведьм слегли бы на несколько дней после того, как распутали и вытянули настолько тяжелую болезнь из чужого тела. Конечно, большинство ведьм ее возраста все еще учились в академии, где им вообще не позволяли так колдовать.

Среди молодых ведьм не было ни одной, сравнимой по силам с Тэмсин, но еще ни одну из них не проклинали и не изгоняли из мира Внутри. Ни одна другая ведьма не проводила семнадцатый день рождения, нянчась с ребенком и пытаясь не ежиться под полным ненависти взглядом его матери.

У Тэмсин сегодня и в самом деле был день рождения — первый день того года, который должен был стать важнейшим в ее жизни. В семнадцать ведьмы выпускались из академии и выбирали свою судьбу: остаться Внутри и служить Ковену или отправиться за Лес и жить среди простого народа.

Тэмсин всегда ужасно боялась своего семнадцатилетия, потому что она мечтала остаться, а ее сестра, Марлина, мечтала уйти. В конце концов попрощаться им пришлось куда скорее, чем она ожидала.

Сладкая горечь магии

С тех пор, как Тэмсин отправили в Лэйдо, захоластный фермерский городок во внешнем мире за Лесом, семнадцать стало просто числом. И напоминанием о том, что она живет сама по себе уже почти пять лет, а ее опала длится и того дольше.

Ведьма ударила ладонью по гладкому дереву стола. Она ненавидела себя за свою силу. Ничего хорошего та ей не принесла. Если бы не отчаянная необходимость хоть ненадолго отдохнуть от мрачной круговерти в голове и пустоты в сердце, Тэмсин, может, и вовсе отошла бы от дел. Но, чтобы чувствовать, она нуждалась в любви. А получить ее она могла только одним способом — колдуя для простых людей.

Боль упорно и ритмично билась в голове. Тэмсин с сожалением заставила себя подняться на ноги, налила воды из ведра в железный чайник и поставила его на огонь. Открыла деревянные ставни на единственном окне и выглянула наружу. Солнце опускалось за горизонт. Несколько человек на дорожке к площади восторженно указывали на него.

Тэмсин захлопнула ставни. Раньше она любила закаты. Теперь же в любой час небо выглядело одинаково невзрачным, серым. Цвета, которыми она когда-то наслаждалась, стали скучными и блеклыми.

Засвистел чайник — пронзительно, как тот младенец. Отщипывая длинными пальцами сухие листики пижмы и бутоны ромашки с пучков, что висели над раковиной, Тэмсин от нечего делать представляла, какой будет встреча той женщины с мужем этим вечером. Сначала он растеряется от ее невнимания. Потом обидится. Потом примет это. Завтра он всем будет рассказывать о ведьме, угрожать сровнять ее домик с землей, а может, даже убить ее саму.

Тэмсин не было до этого дела. На нее всегда мрачно смотрели и шептались, когда она приходила в город. Иногда влюбленные с задетыми чувствами задерживались у ворот ее дома дольше, чем следовало, но ре-

тировались, едва она открывала дверь. Тэмсин была вчерашней девчонкой — уже этого почти хватало, чтобы отпугнуть их.

Репутация довершала дело.

Ведьма пестиком растерла листья и цветки в пыль. Осторожно вытряхнула порошок на кусочек марли, бросила ее в кружку и залила кипятком. Она не хотела, чтобы заварка осталась на дне чашки. Не хотела, чтобы по ней можно было читать.

Она опустилась в кресло у огня, и ее стопы оказались в опасной близости от пляшущих языков пламени. Тэмсин чуть отодвинулась. Даже если сунуть ступни прямо в угли, она не получит ни капли этого ласкового тепла. Только волдыри и боль.

Из кружки в ее руках валил пар, мнимое тепло чая дразнило ледяные кости, касаясь щеки. Тэмсин ничего не чувствовала. Она отпила чай. Никакого вкуса, только легкое сходство с болотной водой.

Зачем она вообще его готовила?

Тэмсин выплеснула чай в огонь, и пламя на миг притихло, чтобы потом заплясать снова. Ведьма закатила глаза. От этого движения вернулся грохот в голове, который только усилился, когда в дверь заколотили.

Тэмсин подозрительно изучила взглядом дверь. На закате рабочий день прекращался, а так как люди в Лэйдо в основном боялись и избегали ее, гостей ждать не приходилось.

Она подошла и открыла окошко вверху двери, чтобы посмотреть, кто пришел. Мальчишка не старше семи-восьми лет нервно переминался с одной босой ноги на другую. Наверное, очередная жертва розыгрыша фермерского сына — тупого мальчишки, который вечно пытался подловить ведьму, чтобы потом похвалиться этим. Ни разу не получилось.

Тэмсин распахнула дверь и выжидательно уставилась на мальчика.

— Что?

Сладкая горечь магии

Бедный ребенок, кажется, мечтал, чтобы земля разверзлась и поглотила его. Тэмсин могла это устроить, но сейчас просто ждала, пока он заговорит.

— Простите, мэм... — пискнул мальчик.

— Мисс, — отрезала Тэмсин, прижимая ладонь к грохочущей голове. Мальчик вопросительно взглянул на нее. — Я тебе не мамочка. Зови меня мисс.

Мальчик выкатил глаза и закивал.

— Мисс?

Тэмсин заставила себя выпрямиться и одобрительно кивнула.

— На городской площади два всадника Ее Величества, — затараторил мальчик, комкая слова. — Они созывают собрание. Все должны явиться немедленно. — Он договорил и икнул, пытаясь восстановить дыхание. Покачался на носках — ему явно не терпелось убраться.

— И они велели тебе позвать ведьму? — Тэмсин подняла темную бровь.

Мальчишка так выпучил глаза, что они едва не выскочили из его черепа.

— Нет, мэм. — Он охнул, осознав ошибку. — Мисс. Они просто велели позвать всех, и побыстрее.

Тэмсин невесело рассмеялась.

— Очень хорошо. Сообщение принято. — Она махнула рукой. — Иди, иди.

Лицо мальчишки сдулось от облегчения. Он исчез из сада быстрее, чем Тэмсин закрыла дверь.

Городское собрание. Как старомодно. Королева не могла изречь ничего такого, что заинтересовало бы Тэмсин. Что бы там ни случилось, весть об этом четырежды обойдет город еще до того, как взойдет луна. Ведьма наверняка услышит обо всем завтра, когда пойдет на рынок за яйцами — и не менее, чем от шести разных людей.

Может, еще один королевский бал объявят — у южного герцога сын как раз вошел в брачный возраст, но пока отвергал всех лордов и леди, каких королевство

Кэрроу могло предложить. Или огры наконец-то пробились мимо крепостей между Пустошами и Востоком.

Что бы там ни случилось, Тэмсин. Пусть королева Матильда и сохраняла крепкие отношения с нынешней Главой Ковена вот уже двадцать лет, внутри Тэмсин ничего не откликалось на политические проблемы внешнего мира.

Она почесала левое предплечье, где полагалось быть знаку Ковена. Пятнистая обожженная кожа на его месте напоминала о том, что она сделала.

И о том, кого она потеряла.

Со сдавленным криком Тэмсин смела все свои безделушки с заваленного стола. Они с грохотом обрушились на каменный пол. Кристалл разлетелся на осколки. Кружка разбилась, глиняные черепки разлетелись по комнате. Бумаги улетели в огонь, и пламя пожирало чернила, пока слова не исчезли.

Тэмсин ненавидела этот дом. Крошечный, ужасный — она задыхалась в нем. Он не был ее домом. Ее дома вообще не было здесь, в Лэйдо.

Рука машинально потянулась к сердцу.

В конце концов, сегодня ее день рождения. Что плохого в том, чтобы использовать немножко любви? Просто расслабиться на миг. Проклятие оставило ей только вину и раскаяние. Тэмсин влачила безжизненное существование — ведьма в изгнании, обреченная унимать жар у младенцев и помогать урожаем. А ведь она подавала такие большие надежды. Могла бы добиться так многого, если бы не ее невоздержанность. Ее беспечность. Ее отчаяние.

Теперь Тэмсин ощущала только горечь, тьму и холод — этот вечный, невыносимый холод.

Прижав ладонь плотнее к груди, ведьма закрыла глаза и распустила узел внутри. Вытянула крохотную щепотку любви той женщины к мужу. Тэмсин тотчас окутало тепло. Она сбросила шаль и медленно пошла по дому: длинная домотканая юбка щекотала стопы,

Сладкая горечь магии

пальцы скользили по воздушному стеганому одеялу, ладони сжимали гладкие грани кристаллов. Она заглянула в несколько банок без подписей, нашла палочку корицы и, поднеся ее к носу, вдохнула пряный аромат с легкой ноткой ореха.

Ведьма бросилась к окну и вновь распахнула ставни. Сердце едва не выпрыгнуло, когда она увидела отгорающий закат — яркий алый, перетекающий в золото, пронизанное розовым, который кончался глубокой синевой. Тэмсин уже потратила слишком много, расточая запас на мелкие капризы, но оставалось еще кое-что, что она хотела успеть, прежде чем оборвать связь. Прежде чем запрятать любовь на черный день.

Тэмсин захлопнула окно и обернулась к столу. Взяла щепотку из маленького кожаного мешочка и высыпала несколько крупинок на кончик языка.

У соли был резкий, яркий вкус.

2

Рэн

Крошечный огонек свечи мигнул и погас. Рэн выругалась — шепотом, еле слышно. Если отец проснется, то начнет умолять ее остаться, и придется потратить еще час, чтобы убаюкать его. Пока она доберется до рынка, все уже купят яйца у Ленслы, нищенки с трясины, а Рэн останется без денег. Опять.

Поговаривали, что на Севере какие-то девушки выменяли у гномов свои имена на умение обращать солону в золото. Рэн многое бы отдала за такую возможность. Имя ей было ни к чему. Уж лучше иметь золота вволю, набитый живот и нужные отцу лекарства. В конце концов, имя какое-то птичье¹. Невелика потеря.

Тихонько пробравшись на цыпочках через комнату, Рэн споткнулась об отцовы сапоги, что стояли в изножье кровати, и скривилась. Замерла, задержав дыхание. Отец не издал ни звука. Медленно выдыхая, Рэн не двигалась с места, пока глаза не привыкли к темноте. Только тогда она наклонилась и подобрала сапоги. За много лет их кожа износилась и размягчилась,

¹ Wren — маленькая птичка-крапивник (англ.).

Сладкая горечь магии

защищая папины ноги. Рэн аккуратно поставила их в угол, чтобы не споткнуться снова.

Она повозилась с дверью, открыла ее ровно настолько, чтобы проскользнуть наружу, и быстро закрыла: не хотела, чтобы солнечный свет, льющийся в передние окна, побеспокоил больного. Вновь вздохнула — на этот раз полной грудью. Ночка была та еще: отец жаловался на головную боль, такую невыносимую, что и воды не глотнуть. Рэн наконец удалось убаюкать его с помощью теплого горчичного компресса и тихой-тихой песни — голос у нее тоже был тихий и хрипловатый от усталости.

— Я бы помер без тебя, птенчик, — пробормотал отец перед тем, как провалиться в беспокойное забытье. Рэн хотелось бы отнести эти нежности на счет лихорадки и усталости, но в его словах была правда. *«Обещай никогда не бросать меня, Рэн, — сказал отец на следующий день после гибели матери, — мне кажется, я без тебя не справлюсь»*. Прошло пять лет, а он не уставал напоминать ей об этом.

Рэн провела ладонью по спутанной косе того же огненно-рыжего цвета, что и у мамы. Ей очень часто хотелось откромсать эту косу, но отец бы ужасно расстроился, так что волосы оставались на месте и давили на плечи памятью, которую Рэн была вынуждена носить с собой.

Она быстро вымыла лицо и руки — холодная вода сразу пробудила ее. Переплела косу поаккуратнее и натянула ботинки, ловко и быстро зашнуровав их. До хруста размяла шею, потянулась к потолку. Бледные кончики пальцев коснулись низа деревянной балки.

Рэн уже почти переросла собственную жизнь.

Каждый день приходилось с трудом втискиваться в те простые идеальные образы, которых ждал от нее мир. Веснушчатая деревенская девчонка, что торговала яйцами на рынке, помогая семье. Заботливая дочь, каждую минутку отдававшая уходу за тяжелобольным отцом. Тихоня, которая пыталась не захлебнуться в океане своих тайн.

Потому что Рэн не только сном пожертвовала ради отца.

Устав мягкими тряпочками две большие корзины, Рэн повесила их на обе руки и вышла наружу. Она завернула за угол своего маленького, крытого соломой домика и оказалась у курятника. В утреннем воздухе, подернутом лиловой дымкой, парил аромат свежесрезанной лаванды, хотя никакой лаванды не было.

Так пахла магия.

«Не обращай внимания, не обращай, не обращай».

Невозможно. Волшебство вихрилось вокруг, ласково касалось щеки — легкое как перышко, — пока Рэн шугала кур с насестов. Она методично собрала свою мелкую, теплую добычу, вытерла яйца начисто и осторожно уложила их, завернув в старые полотенца. Волшебство обвивало ее словно шарф. Рэн помахала рукой в воздухе, пытаясь развеять магию, но лиловая дымка не поддавалась, ведь Рэн не была ведьмой.

Она была истоком.

Многие годы Рэн думала, что все воспринимают мир так же, как она. Что другие люди тоже видят сияющие волшебные цвета, которые лентами тянутся по небу, что остальные могут почувствовать этот пряный запах. Девушка не могла представить жизни без мягкого, нежного шепота волшебства, без возможности коснуться его воздушной легкости или ощутить его сладковатый вкус — точно зрелая ягода, готовая лопнуть. Но потом Рэн заметила, что ребята, с которыми она играла, непонимающе пялятся на нее, и поняла, что отличается от прочих. Что яркие облачные вихри магии, вьющиеся вокруг ее головы, не видны больше никому.

Следовало отправиться напрямик в Ведьмины земли. Тем, кто верил, что обладает силой, Ковен позволял пройти через Ведьмин Лес — стену зачарованных деревьев, что ограждала их страну. Тех, кто проходил через Лес в Ведьмины земли, Ковен обучал и разрешал

Сладкая горечь магии

поселиться в волшебной стране. Тех, кто отказывался идти добровольно, выслеживали и приводили Внутрь силой. Такие люди уже никогда не возвращались в земли за Лесом.

Рэн должна была жить там. Истоки очень ценились: они хранили в себе чистое волшебство — то волшебство, которое ведьмы могли использовать, чтобы восполнить собственные силы. Ковен принял бы Рэн без раздумий, и она ни в чем не нуждалась бы всю жизнь.

Но магия уже однажды разорвала ее семью на части. Когда наступил Темный Год, ее родители были еще молоды. Они недавно поженились, и у них родился ребенок, мальчик. Ему исполнилось всего два дня от роду, когда его поразила хворь, насланная темной ведьмой Эванджелин. Рэн появилась почти двенадцать лет спустя. К этому времени родители состарились, измучились и согнулись под грузом горя, застряв в ненависти и страхе ко всему магическому. А когда умерла мама, отец стал еще уязвимее.

Так что Рэн приходилось скрывать свою истинную суть. Приходилось растрепывать руками косу, ослабляя пряди, чтобы отец не заметил, что ни волоска из них не выбивается, когда дует ветер. Ежиться зимой, несмотря на то, что девушка никогда не мерзла, хоть пройди она босиком по снегу. Мир склонялся перед ней, подобное тянулось к подобному. Магия узнавала магию.

Отец никогда бы не догадался, и Рэн тоже пыталась не замечать, как волшебство тянется к ней. Она решила не уходить в Ведьмины земли, не обучаться, несмотря на указ Ковена. Рэн держалась подальше от любой магии, чтобы ее не разоблачили и не покарали за неповиновение.

Рэн изо всех сил притворялась, что вовсе и не хотела иной жизни.

Уложив в корзину последнее яйцо и надежно подоткнув ткань со всех сторон под драгоценную ношу, Рэн закрыла курятник на щеколду и выскочила в калитку,

которая хлопнула за спиной. Машинально поморщилась, вспомнив об отце и о его сне, таком беспокойном.

Что-то темное в самой глубине души надеялось, что стук его разбудил.

Прежде чем она добралась до тропинки, о ее щиколотку потерлась мягкая черная шерстка — лохматый бездомный кот, который часто околачивался неподалеку. Рэн наклонилась и почесала его за ушком, удерживая корзины на весу. Ей всегда удавалось найти с животными общий язык: птички опускались на ее плечо, пока она шла в город, собаки преданно трусили у ноги, даже лошади иногда подходили, чтобы дружелюбно ткнуться носом в ее шею, пусть в карманах у нее и не было ничего вкусенького.

— Знаю, знаю. — Рэн пошарила в корзине, но там не оказалось ни крошки съестного. — Ты голодный. Прости.

Кот обвиняюще уставился на нее желтыми глазами.

— Знаешь, я вообще-то тоже. Хотя тебе-то что до того.

Кот тихонько мяукнул в ответ.

Рэн провела ладонью по спутанной шерсти на спине зверька и вытащила репейник, который застрял у хвоста. Кот сердито куснул ее за палец.

— Больше ничем не могу помочь, — извиняясь, пробормотала Рэн. — Может, сегодня торговля пойдет получше.

Конечно, вряд ли стоило на это надеяться. Кот потерся о ее колено, оставив черные волоски на зеленой шерстяной ткани ее штанов.

— Ладно, жадюга. Я постараюсь.

Рэн еще раз почесала кота за ушком на прощание и встала, стараясь не тряссти яйца. Кот одарил ее глубоко оскорбленным взглядом.

Лиловая магическая дымка уходила вниз по тропинке и налево, к городку Уэллс. Рэн бросила взгляд направо, к Лэйдо. Идти в обе стороны было одинаково,

Сладкая горечь магии

но небо над Лэйдо имело обычный, чистый голубой цвет.

Выбора, в общем-то, не было.

Из-за магии Рэн была немножко... странноватой. Она вечно пыталась отмахнуться от волшебства, вечно приглаживала волоски на шее, которые вставали дыбом, вечно пыталась объяснить, почему замолчала, оборвав фразу на полуслове и прислушавшись к воплю, который больше никто не слышал. Иногда Рэн поддавалась — закрывала глаза и тщиалась направить магию, укротить сияющие ленты и проникнуть в их тайны. Но у нее мало что получалось. В основном она просто трясла руками, чувствуя себя глупо.

И все же эта лиловая лента куда-то указывала. Если последовать за ней, она может вывести на цветущий луг или к крошечному ручейку с самой свежей водой, какую только можно попробовать. Лента могла привести Рэн к норе с лисятами, что гоняются за собственными хвостами и тычутся в ладонь мокрыми черными носиками...

Рэн отбросила это видение, и корзины тяжело повисли у нее на руках. Нужно идти на рынок и торговать, чтобы купить еду и травы для отца. Нельзя позволить себе отвлекаться.

Девушка повернула направо, оставив и магию, и отчаянную жажду чуда за спиной.

Пыль взлетала и кружилась вокруг ног Рэн по дороге в Лэйдо. Корзины весело подпрыгивали в такт, а тропинка прорезала насквозь поле фермера Хэддона, где четверо его сыновей сражались на палках. Вскходы поднялись уже высоко — почти по пояс. Весна выдалась дождливая, но лето разогнало тучи, и дни стояли сухие, яркие и теплые. Жаркое солнце нагрело щеку. Скоро на лице расцветут веснушки, а с переносицы не будет сходить краснота.

Рэн прошла мимо возвышающихся стогов сена и бескрайних ржаных полей, лишь раз задержавшись, чтобы

протянуть руку полевой мышке, которая устроилась на ее плече, ухватившись коготками за волосы. Девушка помахала Амелии, жене мясника, которая тащила три корзины и примерно столько же орущих детей. Пересекла огромный каменный мост, минуя прохожих, которые несли с рынка товары в таких же корзинах или котомках на плечах. Их приветствия были дружелюбны, но лица — угрюмы.

Когда Рэн перешла реку, что-то изменилось. Перемены отдавали кислым в воздухе и бросали мрачную тень на лица горожан. Даже полевая мышка пробралась вниз по спине Рэн и спрыгнула в высокие летние травы. Девушка поравнялась с каким-то семейством — отец, мать и мальчишка едва ли старше трех лет; они тащили деревянную тележку, нагруженную всеми их пожитками.

Тут любопытство взяло верх.

— Доброго дня, друзья, — Рэн приветственно подняла руку. — Куда вы направляетесь этим утром?

— На юг, куда же еще. — Женщина смотрела на Рэн широко распахнутыми глазами, будто сама не своя. — Ты что, не слыхала? По королевству идет мор, косит всех. — Она вздрогнула и прижала к себе ребенка.

— Ты что, на собрание не ходила? — спросил отец, заметив недоумение Рэн. — Королева Матильда сбежала из Фарна и отправилась в Зимний Дворец. Болезнь уже опустошила столицу. Перевалит через горы — мы следующие.

— Какие у нее признаки? — Рэн с силой потянула себя за косу. Отец не перенесет еще одну болезнь. Уже прикованный к постели, он мучался лихорадкой, и его недуг не поддавался лекарствам. — Как обычно?

Женщина резко мотнула головой:

— Это не телесная хворь.

Уже хорошо. Болезнь отца была очень даже телесной. Чем бы он ни страдал, к новой беде это не имеет отношения.

Сладкая горечь магии

— Говорят... — Женщина смолкла и прижала ладони к ушкам своего ребенка. Мальчишка запищал и зарылся лицом в льняные штаны матери. — Говорят, эта хворь пробирается в сам разум и вытягивает воспоминания и радость. Оставляет тела пустыми, вроде как... — женщина стрельнула глазами по сторонам, голос ее понизился до шепота, — как у ходячих призраков.

Рэн похолодела. Что это за болезнь такая, крадущая души?

Отец оглянулся через плечо на дорогу из Лэйдо — ему не терпелось отправиться в путь. Приобнял жену.

— Извини. — Он отсутствующе улыбнулся Рэн и повел свою семью дальше: вес тележки гнул их спины, а страх — головы. Рэн помахала рукой на прощание, но они не обернулись.

Запруженная народом площадь Лэйдо оглушила Рэн визгом затачиваемых ножей и крепким запахом мяса, что жарили на открытом огне. Орала торговцы на рынке, ругаясь с соперниками; дети играли в догонялки перед тележкой книготорговца. Рэн отвлеклась на их игру и споткнулась, зацепившись носком за выступающий камень брусчатки.

— Эй, эй, осторожней, дочка!

Сильная рука схватила ее за локоть, пока она пыталась поймать равновесие.

— Тор! — обрадовалась Рэн.

Портной был добрым человеком и, что важнее, постоянным покупателем. Рэн украдкой покосилась на его жилет. Ткань сияла магией, будто окутанная дымом. От узора у девушки слегка закружилась голова.

— Рэн? — Старик помахал перед ее глазами рукой.

Девушка сделала виноватое лицо. Тор натянуто улыбнулся:

— Как папка?

Радость сползла с лица Рэн.

— Не очень.

Тор крепче сжал ее локоть.

— У него новая хворь?

Мешки у него под глазами были почти черными. Кажется, не только Рэн сегодня обошлась без сна.

Она покачала головой:

— Признаки не сходятся.

Тор ослабил хватку.

— Осторожнее, лады? Мой кузен из Фарна вчера прислал ворона: говорит, мор так выкосил столицу, глазам своим не поверишь. Больные ходят с пустыми глазами, и даже самая почва заражена. Говорит, земля сотрясалась, пока не разверзлась и не поглотила сотню людей зараз.

Рэн ощутила бегущий по рукам холодок и взволнованно поправила корзины. Тор глядел прямо и мрачно.

— Тебя еще не было в Темный Год, но тогда болезнь так же началась. Появилась новая темная ведьма. Я чувю. — Он провел ладонью по редующим волосам. — Ковен обещает защиту, но какое ведьмам дело до простого люда? — Тор невесело хохотнул. — Да что там, даже королева Матильда обвинила Ковен. Если уж она отвернулась от ведьм, ну... — Он осекся, сжал губы. — Ничего хорошего. Будь осторожней, ага? И за папкой своим присматривай.

Он смотрел на Рэн с почти ощутимым сочувствием:

— Я возьму пять яиц, если есть.

Он предложил ей три иголки, шесть разных пуговиц и катушку черных ниток. Рэн с благодарностью приняла все это и передала яйца по одному, а Тор осторожно уложил их в торбу. Девушка помахала ему на прощание и пошла дальше, радуясь тихой и твердой земле под ногами.

Обойдя рынок, удалось получить за крапчатые яйца краснокочанную капусту, кости индейки и буханку плотного темного хлеба. Рэн обменивалась любезностями с прочими торговками, но, несмотря на привыч-

Сладкая горечь магии

ные маленькие радости рынка, воздух на площади был затхлый, не такой, как обычно.

Рэн остановилась у маленькой тележки с блестящими красными яблоками, жадно провела пальцами по восковой кожице. Она уже почти год не пробовала эти хрустящие сладкие плоды. На Юге какая-то женщина велела дриаде отравить одно-единственное золотистое яблоко, чтобы убить падчерицу. Но чары вырвались из-под контроля. Южные сады все засохли, а весь урожай пришлось сжечь. Жуткое зеленое пламя было видно на Западе отовсюду.

Та женщина — дура. Даже Рэн, которая имела все причины избегать ведьм и которая выхаживала отца травами и похлебками из костей, а не заклинаниями и заговорами, хватало ума не доверять дриадам травить яблоки.

— Ее даже на собрании не было, — прошептала какая-то женщина, отвлекая Рэн от гладкой яблочной кожицы. — Зуб даю, она заранее знала.

— Клянусь, она все это и устроила! — скривилась другая.

Рэн поправила корзины, сделала вид, что вытирает яблоко о полу одежды, и прислушалась.

— А я и не удивлюсь. Мне всегда казалось, что с ней не все ладно. Взять только ее *цены!* — заявила первая. — Это неестественно.

— Да что в ней естественного-то? — отозвалась вторая. — Такая молоденькая. Слишком уж молоденькая, коли меня спросите.

По шее Рэн поползли магические мурашки — как от пристального взгляда, только сильнее. Магия заплясала вокруг нее, заключая в объятия. Она торопливо попыталась стряхнуть ее, но лишь уронила яблоко, которое покатило через весь рынок и остановилось у ног бродячего торговца — тот как раз выставлял роскошный фиолетовый плащ с огромным количеством карманов. Кожа яблока, некогда такая красивая, вся побилась и помялась.

Женщина замолчала и возмущенно уставилась на Рэн. Торговец яблоками сердито уставился на девушку и заорал грубым низким голосом. Его длинная каштановая борода затряслась.

Рэн пыталась унять колотящееся сердце. Цена на яблоки взлетела в два раза с тех пор, как отравили сады. Фрукты стали лакомством, которое она не могла себе позволить.

Девушка попыталась выдать извинения, но слова застряли в горле. Вернулось ползучее ощущение чужого взгляда на шее, но теперь магия была ни при чем — это люди глазели на нее. Лицо Рэн пылало, гулкий голос торговца звенел в ушах. Она предложила ему пуговицы и нитки Тора и буханку хлеба вдобавок. Мужчина поворчал, но плату принял. Рэн подобрала побитое бурое яблоко, стараясь не расплакаться, поправила заметно полегчавшие корзины и пошла прочь.

Осталось лишь два яйца в гладких, хрупких коричнево-крапчатых скорлупках. Даже на сухие корки не выменять, но что делать? Рэн сглотнула твердый комок в горле и продолжила кричать в толпу.

— Яйца, значит? — голос за спиной девушки зазвучал роскошью бархата и полуночной тьмой.

Рэн обернулась и вытаращилась, встретившись взглядом с говорившей.

Тэмсин, ведьма Лэйдо, стояла перед ней, завернувшись в подметающий землю плащ глубокого зеленого цвета. Рэн попятилась. Она так торопилась продать яйца, что позабыла выяснить, откуда взялась магия, из-за которой яблоко покатилося по брусчатке. Не проследила за рыхлыми красными потоками волшебства — они были кирпичного оттенка свежей глины и исходили от Тэмсин. Забыла, что нужно развернуться и убежать, и черт с ними, с нераспроданными яйцами. Нарушила первое и единственное правило, от которого зависела вся ее жизнь: никогда не встречаться с ведьмой лицом к лицу.

Сладкая горечь магии

— Так есть у тебя яйца или нет? — резко спросила Тэмсин. Она отбросила назад черные, как вороново крыло, волосы и насмешливо изогнула густую бровь.

Рэн никак не могла вернуть себе дар речи. Она торопливо полезла в корзину, схватила яйца, чуть не расколотив, и протянула ведьме.

Сузив глаза, Тэмсин взяла их.

— Сколько?

Рэн пожала плечами и неопределенно помахала рукой, по-прежнему борясь с желанием немедленно убежать. Глупо, конечно, но девушка еще ни разу в жизни не оказывалась столь близко к ведьме, особенно к такой могущественной, как Тэмсин. Под пристальным взглядом ведьмы Рэн чувствовала себя крайне неловко. В карих глазах Тэмсин плясали зеленые огоньки того же цвета, что ее плащ.

Тэмсин нетерпеливо цокнула, бросила пригоршню монет в корзину Рэн и развернулась на каблуках — плащ взметнулся за ее спиной. Рэн проводила ее потрясенным взглядом; утренний ветерок принес свежий аромат шалфея.

Монет было чуть ли не в десять раз больше, чем стоили яйца, и их жар в ладони отдавался восторгом в груди. Может, зря она сторонилась ведьм. Рэн всегда думала, что они именно таковы, как описывал отец — ужасны. Но теперь видела, что угрюмое выражение лица Тэмсин не передавало широту ее души.

Рэн пробежалась по рынку и купила за медную монетку буханку грубого темного хлеба раз в пять лучше того, который ей пришлось отдать. Потратилась на свежие травы и кусок оленины — обычно о такой роскоши она и мечтать не смела. И несмотря на потяжелевшие корзины, осталась еще одна серебряная монетка.

Домой Рэн дошла быстро. Вплыла в калитку с улыбкой на губах, которая померкла, когда из дальней комнаты донесся шум. Девушка поставила корзины на стол, зачерпнула ковш воды и аккуратно понесла ее отцу.

Девушка медленно приоткрыла дверь, роняя капли воды на ботинки.

— Папа?

Отец тихо вздохнул и слабо улыбнулся. Рэн помогла ему сесть, бережно поднесла ковшик к его потрескавшимся губам. По подбородку скатилось несколько капель.

— Вот и моя птичка, — хрипло прошептал он. Кожа у него была скользкая от пота. В волосах проступило еще больше седины, чем утром — даже на висках пробилась белизна. Он казался испуганным, но узнавал дочь. Его разум не погас. Рэн облегченно выдохнула.

Отец коснулся ее щеки; тонкая, как бумага, кожа на его ладони шелушилась.

— Знаешь, я бы без тебя пропал. Да чего там, помер бы. — Он попытался усмехнуться, но получилась только гримаса.

— Не говори так, — прошептала Рэн непослушным языком. — Ты вечно так говоришь. Ты поправишься.

Она убрала его руку и вновь накрыла ее тяжелыми одеялами из грубой шерсти.

— Я сделаю тебе похлебку.

— К черту ее, — сказал он, морщась. Рэн принужденно рассмеялась, хоть оба они знали, что он не способен съесть почти ничего, кроме супа.

— Поспи, — велела девушка. То, что ее отец даже не попытался спорить, лишь подтвердило его слабость.

Рэн выскользнула обратно в большую комнату, положила кости индейки и травы в воду и поставила котелок на огонь — закипать. Повесила пустые корзины на крючки около двери, сложила полотенца и убрала их обратно в шкафчик.

Когда вещи заняли положенные им места, Рэн подвинула стул к камину, залезла на него и достала с полки коричневый кувшин. Он казался простым и невинным, как и сама Рэн. Никому бы и в голову не пришло, что в нем есть что-то ценное.

Сладкая горечь магии

Рэн настороженно обернулась к двери в папину комнату. Он ничего не знал о скудных сбережениях, которые ей удалось наскрести, об обедах, в которых она себе отказывала, чтобы услышать приятный звон монет. Куры старели. Они не смогут нести яйца вечно. Рэн нуждалась в запасном плане.

Она вытащила пробку из кувшина и высыпала монеты на старый деревянный стол. Разложила по кучкам: несколько медяков, две бронзовые монетки и один драгоценный золотой, который она отложила для сборщиков налогов, что придут осенью.

С этими деньгами девушка много чего могла — например, забрать их и сбежать на поиски лучшей жизни. Тут хватало, чтобы встать на ноги, найти работу и комнату с кроватью. Даже чтобы отправиться в Ведьмины земли и наконец-то обучиться магии. Узнать, кто Рэн такая.

Она повертела монету Тэмсин в пальцах — ее тепло успокаивало. Ради отца она пожертвовала всем: сердцем, будущим, магией. Наверняка она кое-что заслужила и для себя.

Со стороны очага послышались плеск и шипение. Девушка виновато сгребла и монеты, и свои мечты обратно — в надежное убежище. У нее остался только отец. Нельзя бросать его. Рэн со вздохом поставила кувшин на полку и заглянула в котелок — пора было возвращаться к невзрачным будням.

Вода закипала.

Тэмсин

Вот уже четыре дня к Тэмсин никто не заглядывал.

Утро перетекало в день, день таял и обращался в вечер — словно пламя, сначала ревящее, потом тлеющее и гаснущее. Руки жаждали работы. В груди трепетал страх — он рос с каждым днем, прошедшим без стука в дверь. Запас любви иссякал.

Ведьма опасалась, что из-за мора, что мчался по королевству, будет неоткуда взять еще.

Она старалась отвлечься — рассматривала стены, пытаясь увидеть в разноцветных камнях фигуры: над очагом — облако, трещина у окна похожа на кукурузный початок, а у двери — собачка, которую видно, только если повернуть голову и прищуриться так, что отдается в мозгу.

Тэмсин заштопала вручную несколько пар протертых до дыр носков из грубой шерсти. По ее мнению, носки протирались слишком быстро, чтобы тратить магию на починку. Не хватало еще бороться с икотой каждый раз, когда большой палец на ноге прорывается сквозь старую шерсть.

Но это, конечно, была не вся правда.

После изгнания у Тэмсин изменились отношения с силой. Ушли в прошлое те дни, когда любой каприз

Сладкая горечь магии

исполнялся по взмаху руки. Она больше не похвалялась своим могуществом, не испытывала границы возможного. Новая Тэмсин больше не верила собственному чутью. Эта Тэмсин не заслуживала уверенности, которую дарил талант. Не в мире, где она — живет, а Марлина — мертва.

Будто в подтверждение, игла воткнулась в нежную кожу под ногтем.

Отложив штопку, Тэмсин поворошила длинной железной кочергой угли в угасающем очаге. Дерево для растопки почти кончилось, запасы еды и прочего тоже иссякали. Ведьма взглянула на корзину, с которой ходила на рынок пять дней назад. Внутри остался только бледно-зеленый кочан капусты и единственное коричневое в крапинку яйцо.

Этого и ребенку бы не хватило, но Тэмсин не собиралась отпраиваться за покупками на городскую площадь. Не теперь, когда мнение горожан о ведьмах так сильно ухудшилось. Раньше Тэмсин с оглядкой, но доверяли, а теперь поносили. Даже... ненавидели.

Шепотки провожали Тэмсин домой с рынка, и горло сдавливало, будто плащ затянулся слишком сильно. За прошедшие дни обвинения словно приросли к стенам ее домика, просочились сквозь неплотно пригнанные камни, завихрились над закипающим чайником, угнездились на потертом сером коврикe. Тэмсин уже начало казаться, что эти речи были здесь всегда.

«Это она виновата, ее темное колдовство. Она опасна. Она — зло. Держитесь от ведьмы подальше».

Тэмсин и прежде слышала подобное. Вот только раньше она этого хотя бы заслуживала.

А теперь она заперта в одиночестве в стенах собственного домика. Никто не заходил к ней, и с каждым днем стены казались все ближе, а крыша — все ниже. Дюйм за дюймом, дом смыкался вокруг. Скоро Тэмсин не сможет даже пошевелиться и действительно станет такой бесполезной, какой чувствует себя сейчас.

Эдвиечч Мули

Начался дождик. Тихонько забарабанил по крыше, зашелестел по закрытым ставням. Тэмсин сидела молча, не обращая на это внимания. Когда-то шум дождя успокаивал, прояснял разум и приносил умиротворение. Но теперь он стал просто водой, что падает с небес. Шум, ничего больше.

Тэмсин потянулась за шалью, висевшей на спинке кресла, и плотно завернулась в нее. Откашлялась, вернув себе голос. Ей хотелось, чтобы было с кем поговорить.

Когда-то у нее была большеглазая Лея — исток, девочка из чистой магии. Но Тэмсин не могла вспомнить ни смеха лучшей подруги, ни тепла ее руки в своей, когда они убегали из спальни полежать в высокой траве и полюбоваться звездами. Зато помнила, как разбилось сердце, когда Лея закричала ей в спину: «Ты еще пожалеешь об этом!»

Как обычно, Лея оказалась права.

Воспоминания сдавили горло. Тэмсин потянулась к кувшину с водой, надеясь смыть кислый вкус во рту, но вместо кувшина пальцы схватили что-то мягкое. В руке очутилась черная книжка в кожаном переплете.

Книжка, которой тут точно раньше не было.

Тэмсин швырнула книгу через всю комнату, словно та полыхала. Приземлившись, книга распахнула белые страницы, исписанные почерком в завитушках. С колотящимся сердцем Тэмсин схватила кочергу и направила на книгу, будто на дикое, опасное существо, которое нужно приручить. Она старательно избегала смотреть на слова, покрывавшие страницы.

Острым концом кочерги Тэмсин ткнула книгу. Та не ожила, не бросилась вперед, не напала. С какой стороны ни взгляни, книга казалась совершенно обычной.

Вот только она не *была* обычной.

Этот дневник почти пять лет провел в чулане. Он прибыл с Тэмсин из мира Внутри в Лэйдо, заткнутый за пояс ее дорожной юбки, как единственная память

Сладкая горечь магии

о прошлом. Она ни разу не заглянула в него. Ни разу не взяла в руки.

Но вот он, лежит перед ней, точно проклятие.

Тэмсин медленно отступила от дневника и дотянулась до кухонного полотенца. Прерывисто вздохнула и бросилась к книге, схватила ее через ткань и швырнула в чулан. Захлопнула двери и навалилась на них спиной, пытаясь отдышаться.

Кислый привкус горя ушел, сменившись противной сушью во рту. Тэмсин держала дом в порядке, у каждой вещи имелось свое место. Но все же она провела четыре дня в полном одиночестве. Ей будто воздуха не хватало. Может, она выгастила дневник и просто... забыла?

Тэмсин нервно потерла шею. Вряд ли это возможно — она годами к нему не прикасалась. Что бы ни случилось, не она тому виной.

Дождь усилился, вода с шипением падала с небес. Что-то треснуло. Тэмсин невольно бросила взгляд на очаг, ожидая увидеть сноп искр от полена, которое поддавалось пламени. Но очаг, темный и пустой, прогорел до углей.

Только тогда она заметила отсветы. Небо стало болезненным, коричневато-зеленым, а в ноздри ударила резкая, сильная вонь: гниль, гарь и благовония. Тэмсин посетило искушение закрыть ставни, выпить снотворного и отправиться в постель. Она была твердо уверена, что ей все чудится. Может, от недоедания.

Но потом она увидела, как из садика с травами стелется дым. Пламя пожирало растения, за которыми она так ухаживала: мелкие листочки базилика, хрупкие веточки розмарина, тонкие ниточки укропа. Тэмсин торопливо протерла глаза, но картина не изменилась. Ведьма в ярости уставилась на сад, прикидывая, не бредит ли.

Шел дождь. Там ничего не могло гореть.

Тэмсин, которая стояла у окна, сжимая подоконник так сильно, что кончики пальцев стали мертвен-

но-белыми, сорвалась с места и ринулась наружу. Гнев захлестывал ее, заполняя пустоту в сердце.

Она так много времени отдала саду, вырастила из крошечных ростков взрослые растения! Видела, как они укореняются и разрастаются на некогда бесплодной земле! Пусть Тэмсин не могла насладиться ароматом трав или тонким привкусом, который они дарили пище, но она взрастила их и привязалась так, как ей не было дозволено привязываться к собственному сердцу, к памяти, к любимым, которых она потеряла.

Всего лишь растения. Но сад — это все, что у нее было.

Неловкие пальцы боролись с задвижкой, как назло, застрявшей. Наконец она поддалась с противным скрежетом.

Огромные капли обрушивались на землю, выжигая в высокой летней траве коричневые пятна, от которых несло смертью. Небо набухло зловещей чернильной тьмой.

Раздался скрип и ужасный грохот: рухнул забор. Одна из деревянных планок приземлилась прямо на грядку с ромашкой. Тэмсин выбежала в сад, и дождь яростно накинулся на нее, прожег дыры в юбке, обуглил кончики волос и рассыпал мелкие волдыри по коже. Ведьма попыталась заслониться рукой, но стало слишком больно. Пришлось вернуться под защиту черепичной крыши, а снаружи ливень все пожирал почву.

Дрожа, Тэмсин уселась на твердую постель и смазала камфорой ярко-красные припухлости. Когда она услышала, как портной рассказывал мяснику о том, что в Фарне разверзлась земля и поглотила горожан, то лишь презрительно фыркнула. Но теперь стало очевидно: этот мор наслан при помощи темной магии.

Внутри все сжалось при этой мысли.

Если обратиться к всеобъемлющей мощи темной магии, она будет черпать силы не от ведьмы, что призвала ее, а из земли. Мир попытается восстановить потерю,

Сладкая горечь магии

но магия, что восполнит утраченное, будет искаженной и нечистой. Темная магия означала ужасные последствия.

В конце концов, главным в волшебстве было *равновесие*. Первое, чему научили Тэмсин. Глава Ковена предупреждала юную ведьму, что не важно, сколь сильной она себя считает. Сама магия всегда будет сильнее. А когда магию забирают прямо из земли, земля восстает.

Пустое сердце Тэмсин дрогнуло в груди. Когда она думала о равновесии, то вспоминала свою сестру-близняшку: они смыкали ладони и смотрели друг другу в глаза, как в зеркало, но без стекла. Вдвоем они были своим собственным волшебством.

Хотелось, чтобы воспоминания о Марлине возвращали и любовь, которую Тэмсин тогда испытывала к ней. Хотелось, чтобы перед глазами возникало что-то кроме влажной, холодной кожи сестры, ее жутких синих губ и хрустящих белых простыней лечебницы.

Но Тэмсин могла вспомнить лишь то, как разгребала руками холодную сырую землю и как под ногти забились столько грязи, что потом еще неделю пришлось их чистить. В памяти всплывали побледневшие, расплывшиеся древние слова на старом пергаменте — они застревали в глотке, когда она пыталась их выговорить, призывая магию из-под земли, чтобы силой удержать сестру в этом мире.

Но хоть чары и спасли Марлину, темная магия не остановилась на этом. Она выскользнула из рук Тэмсин, обретая собственную жизнь...

И унося чужие.

Почти каждое утро ведьма задавалась вопросом: почему ее одноклассница Амма все еще спала, когда остальных учениц уже увели на холм? Видения того, как Амма захлебывалась, когда вода хлынула внутрь, затопив комнату в считанные мгновения, мучили Тэмсин. Каждую ночь она вновь переживала тот момент,

когда Глава Ковена разорвала связь между сестрами, и Марлина тоже погибла.

Это сделала Тэмсин. Она была причиной. Двое покинули этот мир из-за ее отчаянной, неумелой попытки сохранить жизнь сестре.

По правилам Ковена использование темной магии каралось смертью. Но Тэмсин слишком отчаялась, чтобы не попытаться. Она, безрассудная двенадцатилетняя девчонка, знала, что стояло на кону. Но ее темным чарам не хватило сил вырваться за пределы Леса — рубежа, что разделял миры Внутри и Извне. Заклинание осталось в границах Леса, и только те, кто жил Внутри, узнали, какую гнусность она совершила. А вот этот новый мор, наоборот, с ужасной скоростью поражал простых людей, и это значило, что колдовала куда более опытная и могущественная ведьма.

Глава Ковена была тогда вне себя от ярости. За тридцать лет до этого именно Глава сразила темную ведьму Эванджелин, колдовством призвавшую хворь. Это Глава основала Ковен и посвятила жизнь тому, чтобы юные ведьмы могли учиться под присмотром, чтобы никто не использовал темную магию. До создания Ковена волшебный мир был полон хаоса. Теперь наступил порядок. Возникли законы, суды и наказания.

Пять лет назад Тэмсин предала доверие Главы Ковена. Теперь кто-то еще сделал то же самое.

Двери чулана с громким стуком распахнулись. Дневник ринулся к Тэмсин и ударил в живот с ошеломляющей силой. Тэмсин опрокинулась на спину, хватая ртом воздух, но не отводя взгляда от черной книги.

В первый раз ведьма еще могла списать появление дневника на случайность. Во второй раз никакого разумного объяснения не находилось. Тэмсин судорожно, прерывисто вздохнула. Она сама призвала его, вспомнив, как обратилась к темной магии? Или это темная магия пыталась выбить ее из равновесия? Возродить ее скорбь? Тыкала в пожелтевший уже

Сладкая горечь магии

синяк потери, на который Тэмсин старалась не обращать внимания?

Что бы ни послужило причиной, Тэмсин не могла этого вынести. Она закинула книгу обратно в захламленный чулан и спрятала его под побитым молью пледом. Затем обернулась к очагу, где уже погасли последние угольки. Дрожа, подобрала поленце из скудных запасов растопки и уложила в золу.

С огнем пришлось повозиться: дрожащие руки никак не могли правильно ударить. Раз, другой, третий — и вот наконец мелькнула искра. Тэмсин обратилась к огню. Ее голос срывался от страха, пока она уговаривала искорку ожить. Когда очаг разгорелся, ведьма повернулась к столу.

Дневник лежал, открывшись на странице, исписанной округлыми буквами.

Тэмсин выругалась; в глазах плыло, паника подступала к горлу. Она подняла тетрадь и едва не швырнула в огонь, но зацепилась взглядом за завитушку в форме буквы Т.

Ее имя, написанное почерком сестры.

Марлина вечно что-то писала. На уроках, за едой, во время самостоятельных занятий магией она постоянно царапала — порой так быстро, что чернила брызгали на страницу и пятнали левую руку. Неряшливая, неаккуратная, всегда загадочная, Марлина была полна тайн, которыми не делилась.

Тэмсин часто пыталась прочесть что-нибудь через плечо сестры и порой успевала ухватить кусочек слова до того, как Марлина прогоняла ее или захлопывала тетрадь. Эта книга была частью сестры, а слова на странице — продолжением ее души.

Поэтому Тэмсин никогда не позволяла себе открывать дневник. Невыносимо было смотреть на почерк Марлины и не чувствовать ничего, кроме пустого любопытства — к той, за которую она когда-то была готова умереть.

Проклятие Тэмсин, наложенное Ковеном, не должно было позволить любви снова затуманить ее разум. Теперь при виде почерка своей погибшей сестры она испытывала лишь неприятное смятение.

Устраиваясь на кухонном стуле, Тэмсин еще пыталась переубедить себя. Но глаза уже читали целые фразы. В последний раз, когда ведьма обратилась к темной магии, погибли две девочки. Одной из них была Марлина. А теперь, когда кто-то вновь колдовал, ее дневник преследовал Тэмсин.

Это не могло быть простым совпадением. «Вещи либо есть, либо их нет», — говаривала Советница Мари. Дневник, очевидно, чего-то хотел от Тэмсин, так что она начала читать.

«Тэмсин снова испытывает мое терпение. Я знаю, что нельзя ее винить, что это во мне вновь говорит зависть — но сестра шествует по залам, как принцесса (одна из тех невероятно высокопоставленных особ, пред которыми простые люди обязаны преклоняться), смеется с Леей, будто ей и дела нет до остального мира.

Полагаю, так оно и есть. Наверное, ей очень легко живется. Но если честно (а если быть честной не с бумажным дневником, неспособным ответить, то с кем?), мне интересно, неужели она не устала хоть чуточку? Наверное, очень утомительно поддерживать такую степень совершенства.

Я видела, какими глазами советницы смотрят на нее, когда подходит ее очередь колдовать. От нее так многого ждут. А я — я могу пытаться, пока лицо не покраснеет, кровь не посинеет, а в глазах не почернеет, но они только вздохнут слегка (знаешь, этот вздох, который я слышу всю жизнь с тех самых пор, как моя магия «проявилась»), похлопают меня по спине со словами «Ты хорошо постаралась», и от этого хочется только убежать и умереть (но заканчивается все, конечно, тем, что я снова валяюсь в постели целыми днями, в голове туман, а руки и ноги тяжелые, будто каменные).

Сладкая горечь магии

Не знаю, что бы я делала без Аммы. Правда не знаю. Да, она становится все искуснее, но и головные боли усиливаются. Ведь что за дар, к которому не прилагается проклятье? Конечно, мне-то знать неоткуда. А вот моя сестра могла бы рассказать.

Иногда я мечтаю узнать, как это — быть ею (и да, я знаю, что мечтать бесполезно — я же дочка своей матери). По-настоящему узнать, взаправду. Я понимаю, что странно хотеть подобного, когда у меня такое же лицо, что у нее (впрочем, я утешаюсь тем, что я красивее — хоть что-то же должно было достаться мне), но на этом наше сходство кончается.

А знаешь, что мы раньше постоянно менялись местами и хихикали, когда самые искушенные ведьмы в мире путались и звали нас именами друг друга? Конечно, ты не знаешь, ты же дневник. Мы кучу раз так играли, и всегда работало — до того дня, как с ее пальцев впервые сорвались искры, а с моими ничего не случилось. С тех пор мы уже не могли никого обмануть: ее магия текла рекой, а моя сочилась по капле. Я помню тот день, когда выяснилось, что я больше не могу быть Тэмсин, и все, что мне осталось — это быть мной.

Худший день в моей жизни».

4

Рэн

У булочницы не было хлеба. Дело было на заре. Рынок в Уэллсе открылся всего несколько минут назад, но буханки уже разобрали, и на полках остались только крошки в белой пыли. Рэн старалась не кривиться, глядя на них.

— Я продавала двухдневный хлеб, — сказала булочница, нервно потирая руки. — Вчера вечером я обнаружила, что мука превратилась в пепел прямо в бочке.

Она говорила тихо, будто сама себе не верила.

Рядом с булочницей стояла ее жена и, не умолкая, рыдала в пожелтевший платок. У обеих под глазами залегли темные круги. Они мрачно оглядывали пустующий рынок.

Многие торговцы даже не потрудились прийти. А у тех, кто пришел, товары были далеко не так хороши, как обычно. Картошка скукожилась, кожура почернела, а из глазков проросли странные кривые корни порой больше самого плода. Молоко, некогда белое, как свежий снег, теперь серебристо поблескивало нездоровой голубизной в заполненных лишь наполовину бутылках. Только на прилавке бродячего торговца густо теснились бутылочки с ярко-фиолетовыми зельями с надписью